

Е. А. Тудоровская

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДНЫХ
БЕЛОВАНИЙ И СКАЗКИ**

(НА МАТЕРИАЛЕ СЮЖЕТА «О ЗАПРОДАЖЕ ВОДЯНОМУ»)

В статье «Некоторые черты доклассового мировоззрения в русской народной сказке»¹ мы в числе других сказочных сюжетов, сложившихся в доклассовом обществе, рассмотрели сказку «Морской царь и Василиса Премудрая»². Сравнивая ее с архаической марийской сказкой «Среброзубая Пампалче», а также с другими аналогичными сказками народов, сохранивших отдельные черты, близкие к родовому быту, мы стремились показать, что сюжет этой сказки построен на столкновении человека, члена рода, с «хозяином рыб» — Водяным. В марийской сказке Водяной ухватил старика рыболова за бороду и в уплату за рыбу потребовал себе в жены дочь старика, прекрасную, «среброзубую» Пампалче. Девушка, вынужденная согласиться на этот брак, все же бежит от поезжана своего страшного жениха и спасается от их преследования с помощью расположенных к ней животных и своей небесной сестры. Даже если эта сказка и свидетельствует о каких-то древних родовых обычаях (принесение жертвы Водяному), то она же говорит и о том, что человек сопротивляется им и побеждает в этой борьбе. Это не мифологическая быличка, а сказка.

В русском фольклоре известны сказки, воспроизводящие (в своем начальном эпизоде) детали сказки о «среброзубой» Пампалче. Героиня этих сказок — девушка, запроданная родителями Водяному, также спасается бегством (при помощи козла — в этом различие с марийской сказкой). Встречаясь с поезжанами Водяного, она отвечает на их вопросы точь-в-точь как Пампалче. После эпизода спасения девушки эти сказки переходят в сказку типа «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», где роль Иванушки, превращенного в козленочка, играл козел, спасающий героиню.

Вряд ли, однако, можно считать эти сказки исконно русскими и судить по ним о тех или иных чертах русского сюжета. Они почти точно повторяют сюжет одной из карельских сказок. Характерно, что русские сказки этого типа в большинстве своем собраны в Карелии: Н. Е. Онучков записал такие сказки в Сумском посаде (Онежский залив Белого моря) и в Яндомозере (Петрозаводский уезд); А. И. Никифоров — в Занежье (Комлево, недалеко от Яндомозера) и на Мезени (в Чучепалах, где русские в свое время могли входить в соприкосновения с карелами), Карнаухова — в Петрозаводске³. А совпадающие с ними две карельские сказки записаны в Яндомозере⁴.

¹ «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. V, М.—Л., 1960, стр. 102.

² А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, т. 2, М., 1957, № 219—225.

³ Н. Е. Онучков, Северные сказки, СПб., 1909, № 56 и 128; А. И. Никифоров, Севернорусские сказки, М.—Л., 1961, № 118 (Занежье), № 157 (Мезень); И. Карнаухова, Сказки и предания Северного края, М., 1933, № 64.

⁴ «Карельские народные сказки», М.—Л., 1963, № 22, 23.

Этот сюжет, а в особенности его вводный эпизод, характерен именно для финно-угорского фольклора. Вторая (главная) часть сказки очень близка к карельскому народному творчеству. Скорее всего русские, живущие в Карелии, заимствовали ее у карел, а не наоборот, тем более что в русском фольклоре этот сюжет в таком сочетании встречается редко, что отмечает и собиратели сказок⁵. Таким образом, эту сказку исключаем из нашего рассмотрения.

Остальная масса исконно русских сказок о столкновении с Водяным носит иной, отличный от карельской характер. Герой их — юноша. Сказки такого типа широко распространены, они записывались на протяжении всего XIX в. и позже, вплоть до наших дней. По ним можно попытаться представить себе историческое развитие этого сюжета.

Попробуем охарактеризовать основной сюжет сказки в том виде, в каком он был записан в начале XIX в.

Классические (дореформенные) тексты о запродаже Водяному — это сказки из собраний А. Н. Афанасьева⁶, И. А. Худякова⁷, а также конспективная запись А. С. Пушкина, которая легла в основу стихотворной сказки В. А. Жуковского «О царе Берендее...» и пр.⁸ Всего имеется 10 текстов, более или менее близких к архангелскому типу.

Сказка начинается с вводного эпизода — столкновения отца будущего героя с волшебной силой, чаще всего с Морским царем или Водяным (иногда Водяной заменяется нечистой силой — это Некрещеный или Неверный царь или попросту черт). Водяной ловит отца героя за бороду (как в марийской сказке), или держит его корабль за киль и не дает плыть, но иногда он, напротив, оказывает ему какую-нибудь услугу. Так или иначе, отец героя вынужден выполнить требование Водяного. А оно во всех классических случаях одинаково: «Отдай то, чего дома не знаешь». Для русской сказки это неизменная деталь. Таким образом, невольная неосмотрительность отца (который не знает, что без него дома родился сын) влечет за собой запродажу новорожденного героя волшебной силе.

В некоторых фольклорных произведениях на этот сюжет отразились практические интересы рыбаков: например, в былине о Садко, где явно использован и переработан архаический сюжет (по соизволению Морского царя Садко вылавливает в Ильмень-озере рыбку-золоты перья и благодаря этому богатеет; впоследствии Морской царь требует Садко к себе в подводное царство и хочет женить его на одной из своих дочерей; Садко выбирает Чернаву, которая должна помочь ему вернуться на землю)⁹. В русских волшебных сказках, записанных в XIX в. и позже, такого рода связь с рыболовством (с жертвой Водяному) исчезла. Она сохранилась лишь во вводном эпизоде сказки казаков-некрасовцев «Тит-рыба»¹⁰. Интересно, что во вводном эпизоде, воспроизводящем архаический материал, отсутствует мотивировка запродажи («Отдай то, чего дома не знаешь»), обязательная для других сказок этого типа. Водяной прямо требует героя к себе. Впрочем, это должно быть понятно: откровенному требованию платы за рыбную ловлю не соответствует мотив обмана, вымогательства. Но такая постановка вопроса наводит на мысль, что распространенный мотив «Отдай то, чего дома не знаешь» вошел в сказку позже, когда запродажа как плата за рыболовство стала уже забываться.

⁵ См. например: И. Карнаухова, Указ. раб., комментарий к сказке № 64.

⁶ А. Н. Афанасьев, Указ. раб., № 219—226.

⁷ И. А. Худяков, Великорусские сказки. М.—Л., 1964, № 46, 78, 92.

⁸ См.: «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в.», М.—Л., 1961, стр. 118.

⁹ «Былины в двух томах», т. 1, М., 1958, стр. 336.

¹⁰ Ф. В. Тумилевич, Сказки и предания казаков-некрасовцев, Ростов-на-Дону, 1961, № 10.

Запроданный герой вырастает и во исполнение обещания идет к Водяному. Но сначала он (по совету встречной старушки или Яги) заручается помощью волшебной дочери Водяного (известный эпизод с «уточкой», у которой герой похищает сорочку).

Водяной встречает героя недоброжелательно (просто по своей злодейской сущности или недовольный тем, что тот «долго не шел») и готов казнить его за малейшую провинность. Под страхом смерти герой должен выполнить трудные задачи царя. Это удается ему благодаря помощи тайной жены-волшебницы («уточки»). В награду Водяной женит героя на своей дочери (той же самой «уточке»). Иногда брак предшествует испытанию героя, но всегда он совершается по желанию Водяного, а отнюдь не по сватовству героя. Предварительно герой должен трижды узнать свою суженую, выбрав ее из всех дочерей Водяного. Герой и его жена бегут затем из подводного царства на землю. Причина бегства может быть самая различная: Водяной злится на героя за то, что тот ни разу не ошибся, или наоборот, расправа грозит герою потому, что одна из задач невыполнима (как в сказке Жуковского), но чаще всего он хочет вернуться на землю, домой. Водяной преследует беглецов, состояясь с дочерью в хитрости, однако молодым удастся уйти.

В сказке есть некоторые несообразности, неопределенность мотивировок. Зачем нужна запродажа Водяному? Хочет ли он расправиться с героем или женить его? Для чего Водяной задает герою задачи? Почему все-таки ему необходимо бежать из подводного царства? Все это — забвение архаических мотивировок, следы разрушения более древнего сюжета, который следует попытаться восстановить. Все неясности получают объяснение при сравнении со сказками других народов, еще сохраняющих в своем фольклоре отголоски родового строя¹¹.

По-видимому, героя некогда требовали в род Водяного, чтобы, женившись на его дочери, он сделал что-то важное для этого рода. Это видно по тем задачам, которые ставятся перед ним. По существу, он подвергается испытаниям, позволяющим проверить его волшебную дееспособность и осведомленность.

Но герой заручился любовью и помощью дочери Водяного. Она могла ему угодить отцу, показать, что он вполне подготовлен к исполнению своей роли. Героя женят на волшебной суженой, но после этого ему необходимо бежать, чтобы вернуться домой на землю и передать людям волшебные знания своей жены.

Нет оснований предполагать, что такая сказка — древний миф, отражающий первобытный обряд, во время которого посвящаемый получал волшебного помощника. Но, в сказке могло отразиться воспоминание о подобном мифе, который и был использован создателями сказочного сюжета. Такова опосредствованная связь сказки с древними верованиями. Но в целом сказка о запродаже героя Водяному, даже в своем архаическом варианте, — история о том, как смертный человек, вовсе не обладавший какими-либо волшебными знаниями, сумел победить в состязании с потусторонней силой, противопоставив ей свои человеческие знания, сумел овладеть силами природы, обратиться к себе на помощь. Как и у марийцев, это не поверье или древняя быличка, а волшебная сказка, повествующая о борьбе и победе героя в конфликте со злыми силами.

Бегство чудесной дочери Водяного со своим мужем вполне законно и оправдано в глазах сказочника. В этом мотиве выразилось новое мировоззрение: в противовес обычаям матрилокального брака (по которому муж должен переходить в род жены) здесь главенствует брак патрилокальный (жена следует за мужем в его род). Но представления, сложившиеся в родовом обществе, где труд служил единственным средст-

¹¹ Е. А. Тудоровская, Указ. раб.

вом борьбы со стихийными силами, дают еще пищу воображению творцов сказки.

Что же произошло со сказкой в дальнейшем, как изменилась она и стала «классической»?

Сказка о запродаже Водяному, несомненно, бытовала на протяжении всей феодально-крепостнической эпохи, но теперь она уже явно подверглась художественной обработке. В ней неизбежно должна была слабеть память о древних верованиях, а стало быть, и интерес к архаическому столкновению с «водяной», стихийной злой силой. Старая мотивировка, обуславливающая запродажу хозяйственными интересами рода как выкуп за право рыболовства, исчезла. Столкновение с Водяным стало не совсем понятным. Злая сила, Водяной, обманом требует запродажу героя в своих, не вполне ясных целях. Конфликт человеческого рода с Водяным не исчез, но приобрел иную окраску, отчасти даже социальную: происходит столкновение запроданного героя с самодуром-царем (хотя бы и волшебным). Вся центральная часть — служба героя у Морского царя — приобрела характер истории верной любви и ее испытаний. В сказке появился финальный эпизод, вызванный новым ее смыслом: спасшись от Морского царя, герой забывает свою волшебную суженую и готов уже жениться на другой, однако во время свадебного пира волшебная жена напоминает ему о себе, и герой возвращается к ней.

Так как исчезла из памяти связь сюжета с рыбной ловлей, то становится необязательной и «водяная» сущность антагониста. Требование «Отдай то, чего дома не знаешь», как уже упоминалось выше, может исходить теперь от Неверного царя, Чуда-юда и т. п. Мало того, конфликт с Водяным имеет определенную тенденцию к замене на столкновение «крещеной души» с нечистой силой, с чертом (последняя характеристна для фольклора более поздней эпохи). Правда, черт в волшебных сказках о запродаже почти не отличается от Водяного. Он также прочно связан с всдой, с озером (в представлении народа, Водяной чаще всего тоже обитатель озера). Черт появляется из колодца, из проруби. Иногда он («черт из-под калинова моста») живет даже в Петербурге. Этот черт уже никакого отношения к рыболовству не имеет. Но в подобной роли могут выступать и вполне «сухопутные» персонажи. Да и сама запродажа может обойтись без Водяного и воды: злая сила (водяная и сухопутная — безразлично) указала дорогу, защитила от холода и т. п.

Теперь уже становится возможными варьирование завязки и контaminaция с другими мотивами. По всей вероятности, именно на этой стадии присоединяется к сказке и приобретает большое распространение новый начальный эпизод — так называемая «война птиц и зверей». Мышь и воробей, вначале дружные, поссорились из-за зерна; в ссору вовлекаются все животные и птицы; вспыхивает битва, в которой тяжело ранен царь птиц — орел. Искалеченный, он едва не становится жертвой некоего охотника. Однако тот, сжалившись, берет орла к себе домой, выхаживает его, кормит и лечит. В благодарность орел летит с ним в царство своих сестер, и после ряда приключений одна из них дарит охотнику чудесный ящик, из которого должны появиться город, стада, и он тем самым обретает богатство. По дороге домой охотник, будучи не в силах сдержать любопытство, открывает ящик в самом не подходящем для этого месте. Сам он не может собрать и снова запереть в ящик появившиеся богатства. На помощь приходит неведомый человек — злая сила, волшебник, черт. Он помогает охотнику собрать все в ящик, но требует за это: «Отдай то, чего дома не знаешь». Такова завязка сюжета.

Этот вводный эпизод не имеет ничего общего с дальнейшей историей запроданного сына. Вряд ли он был исконным. Тем не менее эпизод прочно связан с сюжетом о запродаже и сохранился в большей части

вариантов (встречается он и как самостоятельная сказка, но не в русском фольклоре)¹².

Меняется мотивировка вражды антагониста к герою, в особенности если антагонист — черт. Эта модернизация свидетельствует о том, что внимание сказочников переходит от архаических тем к более «современным». Изменения коснулись и волшебной жены героя. Архаический мотив перехода дочери враждебного людям водяного рода на сторону человека теряет для сказочников смысл. Иной раз суженая героя уже сразу противостоит злой волшебной силе; в некоторых вариантах она даже не дочь Водяного, а «украденная волшебница» или «проклятая девушка»¹³ и герой освобождает ее от чертей. В этих случаях исчезает, как не относящийся к данной ситуации, мотив встречи героя с «уточкой». Он знакомится со своей суженой, предстающей сразу в человеческом облике; ее не надо принуждать к браку — девушка ищет спасения. Черт хочет затем погубить крещеного человека, и герой вместе с женой спасаются бегством. Это уже совершенно иная мотивировка, чем в классической сказке о браке героя с дочерью Водяного.

На данной стадии происходит вторичная встреча волшебной сказки с живыми верованиями народа. Мы соприкасаемся теперь с быличками о неосторожном слове. Вместо запродажи человек по тем или иным причинам попадает под власть чертей. Иногда герой хочет жениться и неосторожно просит черта (который с готовностью откликается) найти ему невесту; иногда героя прокликает мать, посылая к черту (а «послушн черту» — это все равно что запродан ему); иногда герой любит проклятую девушку¹⁴. Все эти виды конфликтов определяют разнообразие сюжетов об освобождении от подводных чертей, в разной степени отходящих от волшебной сказки. Есть и переходные сюжеты, есть и прямые былички — правдивые истории (для быличек, как и для других видов несказочной устной прозы, характерна «Установка на достоверность»)¹⁵. Их сюжеты говорят о столкновении человека с нечистой силой и об избавлении от нее с помощью ума, хитрости и умения вовремя применить «христианские» заклęcia, против которых черт бессилен. Рассматривая эту группу сказок-быличек в ее промежуточных сюжетах, можно увидеть, как волшебная сказка влияет на быличку. Дело не только в «водяном» облике чертей. Попадая к подводным чертям, герой такой «промежуточной» былички должен угадать свою суженую среди дочерей черта; бегство героя с невестой напоминает тот же сюжет сказки о запродаже. Вместе с тем можно видеть и обратное влияние былички на сказку. Из былички мог прийти образ «проклятой девушки» со всеми вытекающими отсюда сюжетными ходами. В собрании Афанасьева сказки о запродаже и былички о неосторожном слове стоят рядом; да в сущности завязка сказки о запродаже — то же «неосторожное слово».

Вряд ли можно считать, что былички о неосторожном слове родственны легендам об «обреченном дьяволу», как это утверждает И. Жданов¹⁶. В легенде запродажа объясняется как преступление родителей или же ребенок, которого продают, оказывается сыном дьявола. Он обречен пребывать в аду (а вовсе не жить под водой) и спасается лишь благодаря молитвам и добродетельной жизни, с помощью бога, святых, богородицы (см. сказки о «кумовой кровати» или апокрифическую сказ-

¹² См. И. Х. Левин, Русская сказка и немецкая басня, «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. Герцена», т. 210, Л., 1959, стр. 111; его же, Миф об Этане (докт. дис.).

¹³ См., например, А. Н. Афанасьев, Указ. раб., сказка № 226.

¹⁴ А. Н. Афанасьев, Указ. раб., № 227—229.

¹⁵ Э. В. Померанцева, Жанровые особенности русских быличек, «История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов», М., 1968, стр. 274.

¹⁶ И. Жданов, Русский былевой эпос, СПб., 1895, стр. 310, 323—324.

ку «Отец-дьявол»¹⁷). В легенде мы находим, по словам В. П. Аникина, «христианско-религиозное морализирование»¹⁸, «выдающее связь легенды с церковным учением о грехе»¹⁹, чего нет в быличке, которая носит «народный религиозный характер»²⁰, отличающий ее от христианской легенды.

Черты легенды и былички о неосторожном слове совершенно различны. В легенде это черти, пребывающие в аду, стремящиеся ввести человека в грех; их назначение — соблазнять и карать грешников. Водяные, черти быличек — плод творчества народной демонологии²¹, воспринявшие некоторые штрихи черта христианской религии, но не абсолютно антагонистичные человеку. Как мы увидим далее, в народном сказочном творчестве, черти могут войти даже в дружбу с человеком и бескорыстно служить ему.

Публикации конца XIX — начала XX в. свидетельствуют о том, что сказки о запродаже и близкие к ним былички о неосторожном слове претерпевают дальнейшие изменения как в пореформенное время, так и в последующий период, вплоть до последних десятилетий нашей эпохи. Хотя на протяжении всего этого времени записываются еще и классические сюжеты²², но по позднейшим сборникам видно, как все более вольно используется сюжет нашей сказки: отдельные ее мотивы встречаются в других сказках, к которым раньше она не имела никакого отношения; сочетаются новые переходы и мотивировки. Еще в предшествующую эпоху вводный эпизод о запродаже сына злой силе начал отрываться от исконного и использовался в позднейших сюжетах. Такой вводный эпизод можно отметить в сказке из собрания А. Н. Афанасьева «Царь-Медведь» (типа «Звериное молоко»²³), а также в уже упоминавшейся нами сказке казаков-некрасовцев «Тиг-рыба» (типа «Скорый гонец»). В пореформенное время такого рода заимствование встречалось все чаще. Мало того, что мотив запродажи прочно вошел в сказки типа «Царь-Медведь» (известный и распространенный сюжет — «Волк — Медный лоб»²⁴), но он стал присоединяться также и к сказкам, в которых ранее никогда не встречался («Финист — ясен сокол»²⁵, сюжет «Жар-птица» или «Летучий корабль»²⁶, «О Вавилонском царстве»²⁷, «Кашей Бесмертный»²⁸ и др.). Вводный эпизод всех этих сказок — «война птиц и зверей», приводящая к запродаже. К числу сказок, записанных в последние десятилетия и содержащих мотив запродажи, прочно примкнул

¹⁷ И. А. Худяков, Указ. раб., № 77; «Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии, в 1905—1907 гг.» (записи М. Едемского), «Живая старина», т. XXI, вып. II—IV, 1912, № 13.

¹⁸ В. П. Аникин, Художественное творчество в жанрах несказочной прозы, «Русский фольклор», т. XIII, Л., 1972, стр. 16.

¹⁹ Там же, стр. 17.

²⁰ Там же, стр. 13.

²¹ Б. и Ю. Соколовы во вводной статье к своему сборнику (Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, стр. LIX) пишут, что вообще в чертях быличек «можно видеть лишь позднейших заместителей первоначальных языческих существ».

²² Например, А. И. Никифоров, Указ. раб., № 41 (Мезень), А. М. Новикова, И. А. Осовецкий, Сказки Куприяники, Воронеж, 1937, № 17; М. В. Красножанова, Сказки Красноярского края, Л., 1937, № 19. Пересказы сказки Жуковского, см., например, А. В. Гуревич, Л. Е. Элиасов, Старый фольклор Прибайкалья, т. I, Улан-Удэ, 1938, № 31.

²³ А. Н. Афанасьев, Указ. раб., № 201.

²⁴ Д. Н. Садовников, Сказки и предания Самарского края, СПб., 1884, № 11; «Сказки Енисейской губернии», т. I, вып. 1, Красноярск, 1902, № 52; М. Азадовский, Сказки Верхнеленского края, Иркутск, 1925, № 6 (запись 1915 г.).

²⁵ Н. Е. Ончуков, Указ. раб., № 173.

²⁶ Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губернии, Пг., 1915.

²⁷ Н. Е. Ончуков, Указ. раб., № 57.

²⁸ М. Азадовский, Указ. раб., № 1.

«Незнайко» (в варианте, где герой сперва служит у змея или у черта)²⁹.

Мы видим, что сказка становится объектом все более вольного варьирования и контаминирования в творчестве отдельных сказителей, которые не создают уже новых сюжетов волшебных сказок, но зато широко используют старые как материал для собственного творчества. Это характерно и для всего сказочного фольклора конца XIX—XX вв.

Классический сюжет о столкновении запряженного героя с Водяным также претерпевает значительные изменения. Произвольно выбирается причина, по которой герой попадает к волшебнику: иногда он нанимается на службу к нечистой силе, иногда, просто заблудившись в лесу, попадает в лесной дворец, где живет чудовище — змей, черт и т. п.³⁰

Злая сила иной раз принимает облик Водяного, от него даже ничем не отличается и Сатана³¹. Если сказка по-прежнему начинается вводным эпизодом «войны птиц и зверей», то в ней Водяного уже нет, да логически здесь он и не нужен³².

Все чаще волшебная жена героя, дочь злой силы, противостоит этой силе. Ее конфликт с отцом вполне понятен. В этом отношении показательна записанная в начале 70-х годов XIX в. сказка «Ивашка Белая Рубашка горький пьяница»³³ с двухходовым развитием сюжета. Герой проигрывает себя в кабалу царю Дороте; у царя дочь от первого брака, которую преследует и хочет погубить мачеха-волшебница, «Ягая Баба». Вполне понятно, что девушка хочет не только спасти возлюбленного, но и спастись сама. Из сюжета исчезают последние отголоски наиболее архаических мотивов: запродажа Водяному как хозяину рыбы, брак как вступление в члены волшебного рода; испытание магической осведомленности героя. Сюжет приобрел иной смысл: герой идет в работники к злой силе, выполняет все задания при помощи своей суженой, после чего они вдвоем спасаются бегством³⁴. Иногда трудные задачи мотивируются не желанием злой силы погубить героя, а оговором слуг или придворных³⁵. Этот мотив попал сюда из сказок другого типа.

Сюжет теперь переделывается уже очень значительно, появляется, особенно в послереволюционных записях, нечто подобное литературной обработке³⁶. Такова, например, сказка Магая. Это настоящий роман,

²⁹ И. Карнаухова, Указ. раб., № 47; «Сказки М. М. Коргуева», Петрозаводск, 1939, кн. I, № 32; А. И. Никифоров, Указ. раб., № 97, 106 (Мезень) А. П. Анисимова, Песни и сказки Поимского района, Пенза, 1948, «Иван Зеленый».

³⁰ Д. Н. Садовников, Указ. раб., № 1; Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Пермской губернии, ПГ., 1914, № 12; «Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1905—1907 гг.», № 7.

³¹ Н. Е. Ончуков, Указ. раб., № 153; Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губ., № 118; его же, Великорусские сказки Пермской губ., № 55; А. М. Смирнов, Сборник великорусских сказок Архива Русского географического о-ва, Пг., 1917, вып. II, №№ 11, 97, 126, 236, 281; «Русские народные сказки. Сказки рассказаны ворожежкой сказочницей А. Н. Корольковой», М., 1969, «Волшебник».

³² Д. Н. Садовников, Указ. раб., № 1; Н. Е. Ончуков, Указ. раб., № 60; «Русские сказки Енисейской и Томской губернии», т. I, вып. 2. Томск, 1906, № 38; А. М. Смирнов, Указ. раб., вып. II, № 5; Б. и Ю. Соколовы, Указ. раб., № 66.

³³ Д. Н. Садовников, Указ. раб., № 1.

³⁴ А. В. Гуревич, Л. Е. Элиасов, Указ. раб., № 30; А. Гуревич, Русские сказки Восточной Сибири, Иркутск, 1939, № 24, 42; А. П. Анисимова, Указ. раб., «Охотник и колдун»; «Народное творчество Дона», Ростов-на-Дону, 1952, «Иван-царевич».

³⁵ А. А. Эрленвейн, Народные сказки, собранные сельскими учителями, М., 1863, VI; М. А. Колосов, Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского языка. «Сборник Отделения русского языка в словесности АН», т. XVII, № 3, СПб., 1877, стр. 93; А. М. Смирнов, Указ. раб., вып. II, № 327; Д. К. Зеленин, Указ. раб. (пермск.) № 12, 55; «Сказки Магая (Е. И. Сороковикова)» в записях Л. Элиасова и М. Азадовского, 1940, № 4; «Сказки М. И. Коргуева», № 6.

³⁶ «Сказки Енисейской губернии», 1902, № 43; Б. и Ю. Соколовы, Указ. раб., № 66; «Сказки Магая (Е. И. Сороковикова)», № 4; А. П. Анисимова, Указ. раб., «Иван Зеленый».

расцветивший психологическими ходами и мотивировками, в котором контаминируются сказка о запродаже героя волшебнику с рядом мотивов из «Жар-птицы», «Незнайко» и др.

В свою очередь изменяются и былички о неосторожном слове, о «сыне, обещанном черту». Иной раз они далеко отходят от волшебной сказки о запродаже сына Водяному. Можно назвать, пожалуй, только две промежуточные сказки: одна из них записана в Вятской губ. в 1902 г.³⁷, другая, контаминированная с сюжетом о «благодарном мертвеце» — в Карелии в 1911 г.³⁸

Но обычно это не волшебные сказки, а настоящие былички, хотя и сохранившие мотив связи чертей с водой. Встречаются два уже знакомых нам типа сюжетов: парень ищет себе жену, хотя бы у нечистого, и спасает «проклянутую» девушку из *подводного* обиталища чертей; жена выводит проклятого мужа, также от *водяных* чертей³⁹. Но при этом зачастую центр тяжести сюжета уже не перемещается на борьбу с нечистой силой; интерес к конфликту с ней вообще потерян. Черт наказывает тех, кто неосторожно призывает его: уносит проклятую девушку, похищает вещи, в сердцах ему посуленные. Но он же охотно отдает все похищенное смелому, честному, доброму герою. Родители всегда узнают похищенную и возвращенную дочь; в приданом невесты кто-либо из гостей или сам отец узнают пропавшие вещи, в свое время обещанные черту («Чтобы вас черт побрал!»); героя обвиняют в воровстве, но тут появляется сам черт и восстанавливает истину⁴⁰. Таким образом, люди сами виновны в своих потерях, а герой, возвративший утраченное, получает его обратно в награду. Черт всего лишь посредник в этом справедливом «перераспределении благ». Здесь — последняя граница влияния волшебных сказок о запродаже на былички как рассказы о чудесном, но «достоверном» событии.

Такова история сюжета о запродаже героя Водяному на различных этапах ее развития и ее связь с живыми верованиями народа.

³⁷ Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губ., № 36.

³⁸ «Русские сказки в Карелии» (старые записи), Петрозаводск, 1947, № 43.

³⁹ Там же, № 39—42.

⁴⁰ См., например, быличку «Мельник и его сын» (Б. и Ю. Соколовы, Указ. раб., № 28).